

Имя ее забыто, солонки — бессмертны

русский телеграф, -1998. - 4 июня, - с. 11
Сто лет гению агитфарфора Наталье Данько

В нынешнем столь щедром на юбилеи году столетие Натальи Данько (1898 — 1942) наверняка пройдет незаметно. Выпадая из номинации «живописец», почти невозможно примкнуть к окруженным всенародной любовью классикам. Ну а художнице-женщине, работавшей к тому же в столь приземленном жанре, как «мелкая пластика», — в особенности. Однако случай Данько несколько необычен: имя ее известно немногим, зато работы — кружки, солонки, статуэтки, выпускавшиеся когда-то массовыми тиражами Ленинградским фарфоровым заводом, по сей день доживают свой век в наших домах. Правда, безымянно. Не всплывает имя Данько и когда мы в очередной раз оказываемся в вестибюле станции «Театральная». А ведь каждый невольно, но рассматривал чуть тронутые золотом даньковские белоснежные фарфоровые барельефы, олицетворявшие искусство дружной семьи народов СССР образца 1938 года.

Вот и получается, что именно Наталья Данько, успевшая за свои пятьдесят лет создать немногим более трехсот работ, оказалось одной из тех, кто «определил характер советской фарфоровой пластики 1920-х — начала 1940-х годов». Ученица дамски-салонной Марии Диллон (бывшей, между прочим, первой в России женщиной-скульптором) и Леонида Шервуда, Данько навсегда сохранила верность урокам учителей-реалистов и никогда не экспериментировала с формой. Даже в первые послереволюционные годы, когда, казалось, было просто невозможно не увлечься новаторскими идеями конструктивистов или супрематистов. Ей же вполне хватило только новых сюжетов. Красочные и нарядные «Вышивальщица знамени», «Милиционерка», «Партизан» и «Агитатор» (рас-

крашенные, как и большинство ее работ, сестрой — художницей и писательницей Еленой Данько, которую она называла своим полноправным соавтором) совершенно естественно продолжали традиции фарфоровой скульптуры Императорского фарфорового завода.

На завод молодая Данько попала с началом войны вместе с вошедшим в моду петербургским ваятелем Василием Кузнецовым, у которого работала подмастерьем. Карьера преуспевающего скульптора-монументалиста (с Кузнецовым сотрудничали популярные неоклассики Иван Фомин и Алексей Щусев, и Данько успела приложить руку к барельефам знаменитого московского особняка князя Щербатова на Новинском бульваре и дачи Половцева на Каменном острове) оборвалась вместе с закончившейся строительной лихорадкой начала века. Гранит и мрамор пришлось сменить на хрупкий фарфор и вдобавок существенно ужаться в размерах. Переход этот прошел для Натальи Данько легко и естественно. И если для начала двадцатых ее вещи казались несколько архаичными и не раз заслужили упрек в чрезмерном увлечении старинным мейсенским фарфором, то для стилистики тридцатых они оказались очень кстати. Ранний даньковский агитфарфор стали тиражировать и успешно продавать за границу. А Данько продолжала увлеченно работать, откликаясь на все веяния времени: она лепила папанинцев и спортсменов, освобожденных женщин Востока, обсуждающих Конституцию, ленинградских актеров в ролях шекспировской «Двенадцатой ночи» и сочиняющего Пушкина.

Штучные фигурки Зинаиды Райх и Анны Ахматовой, шахматы «Красные и белые» (красный король — рабочий с молотом в руках, а белый — скелет в

черной мантии) и тиражная фарфоровая скульптура Натальи Данько нравились и новаторам, и традиционалистам. Нравились они и обывателю — главному тогдашнему потребителю фарфора. Эффектные даньковские фигурки и всяческая декоративная «туалетная мелочь» никогда не претендовали на то, чтобы из безделушек превратиться в «важный документ культурного строительства». Им было вполне достаточно оставаться единственным радостным пятном убогого домашнего быта советских людей.

НАТАЛИЯ СЕМЕНОВА

Если бы монументальная пропаганда была столь же обаятельна, как агитфарфор Натальи Данько, мы бы вспоминали свою революцию с нежностью, как французы («Освобожденный Восток». 1921 г.).